

**Черты
мировоззрения
князя С Н
Трубецкого**

**Владимир Иванович
Вернадский**

SHOUT **IT**
SHARE

- Вернадский Владимир Иванович

Вернадский Владимир Иванович

Черты мировоззрения князя С Н

Трубецкого

В. И. Вернадский

Черты мировоззрения князя С.Н. Трубецкого

I

После смерти князя С.Н. Трубецкого не прошло и трех лет. Еще в этих стенах - молодежь, которая его помнит и знает лично, для которой он был учителем. Она еще не успела возмужать. Еще не сменилось даже одно университетское поколение. А между тем, как все кругом изменилось!

В тяжелое и мрачное время нам приходится жить, но его время было еще безотраднее. Свинцовыми, беспросветными сумерками была охвачена университетская жизнь - отражение жизни России. И, казалось, не было выхода. Густой туман бессилия тяжелой пеленой ложился на человеческую личность. Иссякала вера в будущее. В это время рос и воспитывался дух маловерия в историческую роль русского народа, тяжелым вековым трудом и страданиями создавшего великую мировую культурную силу. В это время из тяжелого настоящего не видно было лучшего будущего: оно казалось навеки потерянным, недостижимым. Переоценивались силы защитников старого. Университет замирал в тисках этих порождений общественного гниения.

В это тяжелое время ярко засияла светлая личность Сергея Николаевича. Быстро засияла на всю Россию и так же быстро загасла.

Хрупкая, тонкая жизнь надорвалась в тяжелой обстановке современности.

Вся его жизнь была борьбой. Это не была борьба политика, не была борьба человека улицы или газетного деятеля, - это была борьба свободной мыслящей человеческой личности, не подчинившейся давящим ее рамкам обыденности. Своим существованием и непреодолимым проявлением себя самой она будила кругом мысль, возбуждала новую жизнь, разгоняла сгущавшиеся сумерки. Та борьба, в которой прошла жизнь Сергея Николаевича, была борьбой ученого и мыслителя она была проявлением вековой борьбы за свободу мысли, научного искания человеческой личности. Она была борьбой потому, что смело и твердо Трубецкой проявил свою личность в чуждой ей обстановке

общественной забитости, общественного отчаяния, узкой кружковщины.

Свободный, гордый дух его бестрепетно шел своей собственной дорогой.

И во всей его недолгой жизни ярко выступал этот элемент искренности и смелости личного самоопределения. Им оживлялось столь быстро прерванное в самом начале его философское творчество.

II

Философская мысль отражает, может быть, более глубоко человеческую личность, чем какая-нибудь другая форма человеческой деятельности. В науке, в религии и в искусстве, в государственном творчестве неизбежны рамки, созданные вековым трудом поколений, невольно вдвигают личность во многом в чуждую ей обстановку. Они стирают элемент личности, ибо везде приходится считаться с другими людьми, с их трудом, с их работой, с их вкусами, понятиями и представлениями. Приходится идти плечо о плечо с ними, вместе класть камень общего здания, приходится искать общий язык, так или иначе действовать на чуждую душу. И в этом стремлении, может быть, раздаются новые мотивы, получаются такие глубокие отзвуки, которых напрасно мы стали бы искать в философии, но в то же время невольно личность принаравливается к общим формам - в своем творчестве она связана чужими, готовыми, вне ее воли стоящими рамками.

Этот элемент есть и в философии, но не он составляет самую характерную, самую господствующую черту философского творчества. Это творчество является, главным образом, отражением человеческой личности, результатом самоуглубления. Несомненно, и богатый материал общественной жизни, и интуиции, и концепции - религии, и великие создания искусства дают материал для этого творчества. Неизбежно научная мысль и научные завоевания кладут предел его применению. Но в оставляемых ими - по существу бесконечных рамках, творческая мысль философа свободна. Она руководится только своим разумом, только тем сложным, неделимым и несравнимым элементом человеческого существа, которое мы называем духовной личностью человека.

Творец всякой философской системы накладывает на нее всецело свою личность. Он может создать свой собственный язык понятий, он исходит из непонятных для других переживаний и перечувствований окружающего, он все окружающее облекает в странные, иногда и причудливые формы своего я. Этим биением своего я он своеобразно оживляет окружающее.

И во все растущую, вековую культурную атмосферу созданий человеческой мысли и чувства, которая окружает нас и соединяет нас с давно минувшим, самостоятельно мыслящий философ бросает частицу своего я, результат самоуглубления, отражения жизни и знания в своей духовной личности.

Эта творческая работа философии суждена немногим. С каждым поколением перед нами становятся все новые и новые философские концепции - эти своеобразные, друг к другу не сводимые создания личностей! И всюду в них новое поколение открывает при их изучении новые, раньше неизвестные черты. Изучая эти философские системы, мы как бы охватываем различные проявления человеческих личностей, каждая из которых бесконечна и бессмертна. Новая философская концепция не заменяет и не погашает старых, как не погашают старые создания искусства новые акты творчества.

Она не теряет своего живого значения и влияния на человеческую личность даже тогда, когда падает вера в ее истинность, окажутся неверными и неправильными основные ее выводы и построения. В ней остается неразложимое и неуничтожаемое зерно, тесно связанное с реально существовавшей духовной личностью, выражением которой она является.

Есть или нет что-нибудь общее между этими философскими концепциями? Откроет ли перед нами их изучение что-нибудь такое, что напрасно пыталась высказать и выразить отдельная личность? Есть ли в ходе развития философских идей своеобразная законность, даст ли нам их изучение по существу новое, заставит новым образом углубиться в бесконечное, нас окружающее и нас проникающее? Есть ли смысл и есть ли законность в истории философии?

Эти вопросы, по существу, два последних, неизбежно становятся перед всяким исследователем истории философии. Философ, обращающий свое внимание на эти явления, ищущий смысла в философском процессе, стремящийся этим путем углубиться в понимание неизведанного, невольно становится ученым, как только он вступает в область истории философии, подымается вопрос о ее законностях, о ходе развития философской мысли. Самостоятельный мыслитель в этой пограничной области неизбежно вдвигается в строгие рамки научного исследователя.

III

Эта двойственная сторона умственной деятельности всякого философа, становящегося историком философии, накладывает на его работу оригинальный отпечаток. Она не остается бесследной

ни для его философского мышления, ни для его научной работы.

Ярко и глубоко эта двойственная сторона духовного творчества сказалась в недолгой жизни С.Н.Трубецкого.

Еще в последние месяцы жизни его интересы сосредоточивались одновременно в двух областях - в философии и науке. С одной стороны, он углублялся в развитие своеобразной, очень глубокой, мистической стороны своего мышления, вращаясь в области идей, связанных с учением о Логосе и с допущением эонов (1). С другой стороны, все его научные интересы были сосредоточены в области истории древнего христианства, критика текста книг Завета, истории греческой философии - одновременно как самого древнего ее периода, так и ее конца - эпохи неоплатоников. Он подходил к еще более широким вопросам - к истории религии, углубляясь в историю религии греческой. Близкие области археологии и языка захватывались его мятущимся духом, и по мере расширения его научной работы все более углублялась и все более обострялась его философская мысль. Все строже, осторожнее и более критически он относился к тому материалу, на котором покоились его выводы. Из его философских концепций отпадало то, что могло быть охвачено научным мышлением, и тем самым философская работа уходила в проблемы, недоступные знанию.

Его философский интерес, казалось, сосредоточивался в областях, самых далеких от научной работы. Вопросы религиозного гнозиса, обоснований веры, мистического созерцания неотступно захватывали его; к ним он возвращался неуклонно в течение всей своей деятельности. И можно сказать, что постепенно он подходил к ним все ближе и ближе, по мере того, как выяснялись для него вопросы теории познания, как он составлял себе суждение об основах живых и господствующих в его время философских построений. Эти вопросы должны были увенчать его философские создания, если бы он когда-нибудь подошел к связному и целостному изложению своей философской системы. Но его душе был чужд догматизм философа-систематика, и он касался отдельных проблем, не сводя их в одно целое.

Идеалист-философ с резко мистической основой своего миропонимания, в то же время являлся крупным ученым, владеющим всем аппаратом ученого XX в. этим наследием многовековой работы ученых поколений. Я живо помню, как он глубоко и ярко чувствовал эту вековую связь, когда он указывал на значение критики текста Завета, созданной строгой, критически беспощадной научной работой ученых двух столетий, и как он учился на этой работе историческому пониманию более

близких ему областей истории мысли.

Как мог мистик сознательно и энергично вести эту тяжелую научную работу, все углубляя ее и расширяя? Мистицизм кажется не только чуждым и враждебным научному мышлению, - он является на первый взгляд разрушителем философского миропонимания. Ибо, казалось, для мистика исчезают не только значение и законность научного мировоззрения, но и разумность философских обобщений. Глубоким слиянием с неизвестным, уходом в области духа, равно далекие и от научной работы и от философского разума, мистик подходит к тем переживаниям человеческой личности, которые находят себе выражение в религиозном творчестве и религиозном сознании. А между тем глубоко мистически настроенный Трубецкой был не только строгим ученым, он в своем философском идеализме был строго критическим мыслителем. Смело и безбоязненно подходил он к самым крайним положениям философского скепсиса и этим путем оживлял и очищал основы своего философского познания.

Это соединение глубокого мистицизма и проникнутой им веры, критического - почти скептического - идеализма и строгого научного мышления представляет ту удивительную загадку, какую дает жизнь этого замечательного русского мыслителя.

Вдумываясь и всматриваясь в жизнь этого дорогого, еще недавно бывшего здесь человека, невольно останавливаешься над этим вопросом и этой мыслью о его личности, поднимаешься к глубоким проблемам человеческого существования.

IV

В этом облагораживающем и глубоком влиянии, какое оказывает попытка понять его духовное бытие, сказывается сила и красота его духовной личности.

Каким образом он совмещал, казалось, несовместимое? Разгадкой служит искренность его жизни, целостность его духовной личности.

Мистика является одной из самых глубоких сторон человеческой жизни. Если мы посмотрим в жизнь мистиков, мы увидим, что они жертвуют для мистических настроений всем. И в то же время, если мы проследим историю мистики, мы видим, как легко мистический порыв человеческой души, выразившийся в глубокой идее, в великом построении или в красивой интуиции, покрывается наростом пустых слов, бессодержательных символизаций, мелких желаний и грубых предрассудков, если только мистика всецело и без сопротивления охватывает человека. Как только мистическое настроение начинает охватывать широкие слои, как только начинает непрерывно и доминирующе длиться года, - оно обволакивается образами и

созданиями, по существу ему чуждыми, но которыми человек пытается дать сколько-нибудь понятное, земное выражение неуловимому и невыражаемому словами или образами мистическому настроению. За этими печальными созданиями неудачных стремлений теряется глубокое содержание мистического настроения и мистического миропонимания. История мистики, главным образом, вращается в этой грубой коре - коре разбитых стремлений, совершенно обволакивающей внутреннее содержание мистических настроений. Эти грубые символы и странные образы дают почву той игре в мистицизм и мистическое настроение, выражение которой мы видим в современной литературе - русской и западноевропейской.

Для того, чтобы дойти до мистики, надо прорвать этот туман мистических наваждений, надо подняться выше всей этой сложной, временами грубой, иногда изящной и красивой символики. Надо понять ее смысл и не дать в руки ее засасывающему и опьяняющему влиянию.

Трубецкой стоял выше этой символики. Он переживал слияние с Сущим, он исходил из мистического миропонимания. На нем строилось его религиозное чувство. Но он не подчинялся ему и его образам своей личности. Личность его оставалась свободной, она получала лишь опору в мистицизме и в чувстве бесконечного и в слиянии с ним находила поразительную силу для своего проявления в жизни. Благодаря целостности его личности, все другие ее стороны получали на этом общем фоне необычное в нашей окружающей жизни выражение. Они ею не затемнялись и не погашались.

Он всегда оставался самим собой, всюду проявлял себя всего. Будучи мистиком, он в философии оказался критическим идеалистом, в науке - строгим и точным исследователем, в общественной жизни - сознательным деятелем. Философским мышлением и научной работой он заменил ненужные ему символические формы мистических настроений. В гармонии их - в своей личности - он мог убедиться, что несогласимые противоречия между этими сторонами человеческого существа рождаются лишь при подавлении какой-нибудь одной его стороной других ее проявлений.

Благодаря этому мы наблюдаем в его жизни и в философском мышлении живой пример глубокой гармонии обычно разделенных проявлений духовной жизни человека - мистических элементов веры, философского мышления и научной мысли. Его личность всюду вносила необходимый корректив и создавала своеобразную гармонию. Ее создание, его философская система, является одной из наиболее оригинальных и глубоких

проявлений свободного личного творчества. Этим она получает чрезвычайно целостное выражение. Вследствие этого некоторые вносимые Трубецким в свою философскую мысль поправки и оговорки кажутся неожиданными для людей, привыкших к логической последовательности строго рационалистического проявления философского творчества. Они глубоко иррациональны, ибо коренятся в неподдающейся рационализации свободной личности.

Тесно слившись с русской действительностью и отражая в философской системе всю личность, Трубецкой был одним из первых оригинальных, чисто русских философов.

Он явился благодаря этому новой, глубоко своеобразной фигурой в истории русского культурного общества, ибо самостоятельная систематическая философская мысль есть явление новое, только что нарождающееся в истории русской культуры. В то самое время, как в искусстве и науке русское общество давно уже явилось огромной всечеловеческой культурной силой, - в философии его работа лишь начинается (2).

Культурная работа общества отнюдь не ограничивается готовыми созданиями творческих сил его членов. Здесь не менее, может быть более, важен самый процесс творчества, происходящий в среде общества. Важно не то, чтобы те или иные научные исследования, те или иные произведения искусства были созданы членами русского общества - важно, чтобы они вырабатывались в его среде, чтобы они черпали свою силу, свое содержание, свои формы в жизни этого общества, в его надеждах будущего, в окружающей и чеканящей его природе и обстановке. Только этим путем и подымается культурная сила обществ.

Весь процесс философского творчества Трубецкого прошел здесь, в Москве, тесно связан с жизнью Московского университета. Глубоко любящий Россию, переживающий все ее горе и все ее радости, он был русским всем своим существом, и это неизбежно отражалось на характере его философского и научного творчества.

Поэтому вся жизнь князя С.Н.Трубецкого, русского ученого и русского философа, являлась сама по себе глубоким культурным делом (общественным. Она не может и не должна быть забыта русским обществом. Ее след прочно и непреодолимо заложен в самой русской культуре и будет жить и развиваться вместе с ней.

Здесь живая, неумирающая память о С.Н.Трубецком явится одним из отражений того личного бессмертия, поразительно живая вера в которое составляла такую чарующую черту его благородной личности.

Трубецкой Сергей Николаевич (1862-1905) - религиозный философ и ученый, историк античной философии и раннего христианства, публицист, деятель земского либерального движения, сторонник конституционных реформ и автономии высшей школы, приват-доцент

(с 1888 г.) профессор (с 1900), первый избранный ректор Московского университета (1905), один из редакторов журнала "Вопросы философии и психологии" (1900-1905), друг и последователь В. С. Соловьева.

Наиболее полное издание трудов Трубецкого вышло вскоре после его смерти (Собрание сочинений, т. т. 1-6. М., 1906-1912). Принадлежал к одной из самых просвещенных и родовитых семей России. О нем как человеке, ученом и философе см.: Н. О. Лосский. История русской философии. М., 1991, с.173-178; В. В. Зеньковский. История русской философии, т. II, часть 2. М., 1991, с. 93-105; П. П. Гайденко. "Конкретный идеализм" С.Н.Трубецкого. - В кн.: С. Н. Трубецкой. Сочинения. М., 1994, с.3-41; Л. М. Лопатин. Князь С. Н. Трубецкой и его общее философское мировоззрение. М., 1906; О. Н. Трубецкая. Князь Трубецкой. Воспоминания сестры. Нью-Йорк, 1953.

В.И. Вернадский и С.Н. Трубецкой познакомились в конце 1880 - начале 1890-х гг., когда оба они практически почти одновременно приступили к преподавательской работе в Московском университете. Знакомство вскоре переросло в дружбу. Их связывали, помимо глубокой взаимной симпатии, близость духовных и нравственных идеалов и общее дело: оба принимали активное участие в либеральном земском движении конца XIX - начала XX вв., оба были лидерами движения передовой общественности России за свободу научной мысли и преподавания, за автономию высшей школы. Ученых сближали общий взгляд на взаимоотношения научной и философской мысли, интерес к истории науки и научного мировоззрения. Не случайно С. Н. Трубецкой был одним из первых, кто заинтересовался работой В. И. Вернадского "О научном мировоззрении" и предложил опубликовать ее в журнале "Вопросы философии и психологии".

"Вслед за античными философами - Платоном и неоплатониками, - а также солидаризируясь с Соловьевым, Трубецкой считал мир одушевленным организмом идея, воспринятая затем представителями так называемого русского космизма, в частности В. И. Вернадским, который испытал на себе влияние не только учения, но и личности С. Н. Трубецкого" (П.П. Гайденко. Указ.соч., с.29).

Безвременная кончина друга потрясла В. И. Вернадского.

С. Н. Трубецкой скончался 29 сентября 1905 г. от инсульта, случившегося во время заседания в Министерстве народного просвещения. В Петербурге, а затем Москве, в последний путь С. Н. Трубецкого провожали грандиозные траурные процессии. "Смерть князя С. Н. Трубецкого стала горем всей России, национальным горем" (Л. М. Лопатин. Указ.соч., с.3).

16 марта 1908 г. В. И. Вернадский выступил в Московском университете с речью "Черты мировоззрения князя С. Н. Трубецкого". В этом же году речь была опубликована в № 4 журнала "Русская мысль" и затем вошла в "Сборник речей, посвященных памяти князя С. Н. Трубецкого" (М., 1909). Здесь воспроизводится по последнему изданию в кн.: В. И. Вернадский. Очерки и речи. Вып.2. Пг., 1922.

1. "Логос", "эон" - термины древнегреческой философии. Значение первого, введенного в философский язык Гераклитом, многообразны: внутренний закон, душа и начало космоса, разумное основание, смысл мира, посредник между миром и Богом, само Божество и т.п. Второй термин обозначал "жизненный век", "вечность", время в аспекте жизненного существования в отличие от "хроноса" - абстрактно количественного, объективного времени. Эти вопросы рассматривались С. Н. Трубецким в его главном труде "Учение о Логосе в его истории: Философско-историческое исследование" (докторская диссертация, 1900). См.: С. Н. Трубецкой. Сочинения. М., 1994.

2. В. И. Вернадский был лично знаком со многими выдающимися деятелями русского философского ренессанса (братья С. Н. и Е. Н. Трубецкие, П. А. Флоренский, П. И. Новгородцев, Н. О. Лосский, Л. М. Лопатин, Э. Л. Радлов и др.).